

**Историческая эпистемология –
триггер реформы философии познания**

© 2021 г. В.Н. Порус

*Школа философии и культурологии Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.*

E-mail: vporus@rambler.ru

Поступила 04.02.2021

Историческая эпистемология должна стать основой для переосмысления понятийного аппарата философии познания. Такая реформа назрела, ибо этот аппарат встречается с трудностями, когда речь идет о понимании исторических процессов, в том числе процессов изменения самого этого аппарата. Реформа позволит заново осмыслить такие понятия, как «историческая реальность», «историческое событие», «субъект исторического познания», «рациональная реконструкция исторического знания» и др. Принцип историзма должен быть поставлен в органическую связь с принципом объективности, и эта связь есть необходимая основа понимания того, что такое «истинность исторических суждений». Таким образом «историзм» включается в ряд главных эпистемологических понятий и перестает быть «добавкой» к этому ряду, осуществляемой по усмотрению того или иного исследователя. Все элементы этого ряда представляют собой взаимообусловленные ценности. Рассматриваемые вне этой взаимообусловленности, они утрачивают свой смысл и могут превращаться в антиценности. Объективность и истинность историчны в той же мере, в какой историзм есть необходимое условие объективности и истинности. Эти ценности существуют только в процессе непрерывного изменения исторического знания. Такое понимание системообразующего ядра эпистемологических понятий ведет к конкретизации понятия «субъект исторического познания», которое приобретает контекстуальный смысл, а собственно эпистемологическое исследование обогащается психологическими, социологическими и экзистенциальными характеристиками. Их взаимосвязь остается под совместным контролем принципов объективности и историзма. Реформа затрагивает также онтологию исторического знания. Проблема онтологических оснований исторической теории ставится и решается в соответствии с принципом историзма.

Ключевые слова: историческая эпистемология, принцип историзма, историческое событие, объективность, истинность, субъект исторического познания, онтологический статус, онтологический базис.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-47-57

Цитирование: Порус В.Н. Историческая эпистемология – триггер реформы философии познания // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 47–57.

Historical Epistemology – the Trigger of the Reform of the Philosophy of Knowledge

© 2021 Vladimir N. Porus

*School of Philosophy and cultural studies, National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.*

E-mail: vporus@rambler.ru

Received 04.02.2021

Historical epistemology has to become a basis for reconsideration of a conceptual framework of the philosophy of knowledge. Such reform was about to happen because this framework meets difficulties, so far as it concerns the understanding of historical processes, including changing of that conceptual framework itself. Reform will allow comprehending such concepts anew as “historical reality”, “a historical event”, “the subject of historical knowledge”, “rational reconstruction of historical knowledge”, etc. The principle of historicism has to be put in organic connection with the principle of objectivity, and this connection is a necessary basis for understanding “the truth of historical judgments”. Thus “historicism” joins a row the main epistemological concepts and stops being the “additive”, implemented to this row by a researcher’s discretion. All elements of this row are interdependent values. Considered out of this interconditionality, they lose the sense and can turn into anti-values. The objectivity and the validity are historical in the same meaning in what historicism there is a necessary condition of objectivity and validity. These values exist only in the course of continuous change of historical knowledge. Such understanding of a backbone kernel of epistemological concepts conducts to a specification of the concept “subject of historical knowledge”, which gains contextual sense, and properly epistemological research is enriched with psychological, sociological, and existential characteristics. Their interrelation remains under the joint control of the principles of objectivity and historicism. The reform also affects the ontology of historical knowledge. The problem of the historical theory’s ontological bases is put and solved according to the principle of historicism.

Keywords: historical epistemology, principle of historicism, historical event, objectivity, validity, subject of historical knowledge, ontological status, ontological basis.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-47-57

Citation: Porus, Vladimir N. (2021) “Historical Epistemology – the Trigger of the Reform of the Philosophy of Knowledge”, *Voprosy filosofii*, Vol. 5 (2021), pp. 47–57.

Недавняя статья И.Т. Касавина [Касавин 2020] затрагивает болевые точки современной эпистемологии. Вопрос в том, станет ли «историческая эпистемология» (этот сравнительно молодой термин укоренился в литературе [Knorr-Cetina 1999; Hacking 2002; Davidson 2001; Daston, Galison 2007; Rheinberger 2012; Мегилл 2007; Бряник 2010; Шиповалова 2018; Столярова 2018] и уже не вызывает идиосинкразии) триггером реформы понятийного аппарата философии познания.

Термин «историческая эпистемология» пытается говорить сам за себя: исследование познавательных процессов необходимо требует исторического взгляда на них. Предикат «историческая» здесь имеет несколько связанных между собой, но различных смыслов.

Во-первых, он предполагает, что познание имеет дело с *объектом*, взятом в его историческом изменении и развитии.

Во-вторых, сам *процесс познания* рассматривается в соотнесении с культурной историей.

В-третьих, исторична саморефлексия эпистемологии.

Все эти смыслы располагаются в проблемном поле, где на первом плане вопросы о природе *исторической реальности*, о том, что такое «субъект исторического познания» в отличие и в сопоставлении с «субъектом истории», о познавательном процессе в его истории и рациональной реконструкции этого процесса. Важен и вопрос о том, как «историческая эпистемология» соотносится с другими эпистемологическими концепциями, – о ее месте в философии познания.

Эти и другие вопросы поставлены и рассмотрены в упомянутой статье. Здесь я пытаюсь акцентировать и проблематизировать некоторые из предложенных в ней подходов и выводов.

Принято считать, что онтологическим статусом обладают объекты, существование которых *полагается* базисным для теории, претендующей на описание какого-то фрагмента реальности. Полагается – на каком основании? Если это основание *возникает* в познавательном процессе, «реальность» обладает одновременно онтологическим и эпистемологическим статусами. Какой из них является «первичным», а какой «вторичным»?

И.Т. Касавин считает, что первичность онтологического статуса имеет значение, которое не следует преувеличивать. «Всякая онтология являет собой фундаменталистскую и потому до некоторой степени наивную позицию. Это поиск устойчивых оснований, позволяющих говорить о реальности как о чем-то первичном, причине всех вещей, сфере референций, наборе беспроблемных очевидностей, платформе, на которой покоится весь мир человека» [Касавин 2020, 9].

Сам этот поиск историчен. То, что устойчиво в одной научной картине мира, изменяется или вовсе исчезает в другой, например, при смене фундаментальных теорий (когда-то теплород или эфир были онтологическими допущениями в физике, а впоследствии исчезли из нее или радикально изменили свое содержание). Если бы научная картина мира строилась на неизменном онтологическом базисе, она стала бы рудиментом метафизики. Учитывая это обстоятельство, а также относительную быстроту изменений онтологических допущений (ontological commitments), стали говорить о «нестабильных» или даже «текущих» онтологиях [Жеребкин 2013; Шалагинов 2015].

Однако ясно и то, что без относительно устойчивых ontological commitments научную теорию построить нельзя [Сарнар 1950]. Некоторые из них, принимая форму «теоретических конструкторов», непосредственно сопоставляются с определенными фрагментами «реальности» («репрезентируют» эти фрагменты в составе теоретического знания), другие связываются с «реальностью» косвенно (благодаря логическим связям с первыми). Вместе они образуют онтологический базис теории, или, по выражению В.С. Степина, «фундаментальную теоретическую схему», которая «может рассматриваться в качестве весьма абстрактной модели изучаемых в теории взаимодействий. Она выявляет структурные особенности таких взаимодействий, фиксируя в познании их глубинные, существенные характеристики» [Степин 2000, 111].

В ходе исторической эволюции онтологический базис теории меняется. Изменения могут быть разными. Исключение или перемена хотя бы одного существенного

элемента этого базиса изменяет содержание всей теории, следовательно, изменяется и «картина реальности», которую дает теория, «независимо от того, принадлежит ли она к сфере гуманитарных, социальных или естественных наук» [Степин 2000, 114]. Таким образом, «историзация реальности» вытекает из исторического характера научного развития.

Но есть и другой смысл историзации: когда наука имеет дело с изменяющимися (в частности, саморазвивающимися) во времени объектами, и ее развитие следует за этим изменением. Оба смысла очевидным образом связаны между собой, и можно говорить даже об их взаимной «диффузии».

Различия между этими смыслами плавно переходят в сходства, когда речь идет об *истории науки*.

Здесь эпистемолог замечает удивительные преобразования: объект, *порождаемый* историко-научным исследованием, дает начало тому, что затем становится *реальностью* исторического процесса. Таким объектом И.Т. Касавин называет *историческое событие*.

Это не «факт», фиксируемый как некое «происшествие». Это «начало причинно-следственной цепи, исток всех последующих, вторичных событий в данной области. Оно исторично не потому, что эмерджентно и изменчиво во времени, но потому, что выступает априорным условием истории, делает историю» [Касавин 2020, 10]. Без этого начала вся цепь не имела бы *исторического* смысла, а оказалась бы просто чередой фактов, фиксируемых в пространственно-временных координатах.

Это перекликается с феноменологическим пониманием события. «Событие не есть то, что просто случается в жизненном мире или человеческой истории... ему присуща неповторимость и невоспроизводимость в регулярном порядке вещей, поскольку оно выделено как начало, которое присваивает этому порядку некоторую определенность» [Орлов 2012, 19]. Эта методологическая идея, независимо от контекста феноменологии, в котором она сформулирована, работает и как принцип исторической эпистемологии.

Отдельные факты, пространственно-временные координаты которых как будто позволяют разместить их «внутри» исторического события, могут не только не соответствовать этому событию, но и противоречить ему по содержанию и смыслу. Событие *само определяет*, какие факты ему соответствуют. Оно «выбирает» их. Какие-то из выбранных фактов могут получить «привилегированный статус», то есть репрезентировать это событие и даже подменять его в некоторых контекстах.

Конечно, речь идет о методе, каким пользуется историк-исследователь. Этим напоминанием отгородимся от «наивного» предположения, что событие совершает указанные действия «само по себе». Превращение события в начало причинно-следственной цепи – прерогатива историка.

Но как *случается* само событие? Если его нельзя определить как факт или сумму фактов, что же позволяет «увидеть» это событие во времени (поместить в хронологические рамки), а то и соотносить его с пространственными (континент, страна, город) координатами?

Чтобы определить начало некоторой причинно-следственной цепочки, нужно *уже иметь* эту цепочку перед глазами. Историческое событие в науке – это источник того, что можно назвать осмысленным историческим дискурсом. Именно поэтому таковым можно считать возникновение и развитие *стиля мышления* (Л. Флек связывал это с «возникновением и развитием *научного факта*»), *научной парадигмы* (в смысле Т. Куна), *научно-исследовательской программы* (по И. Лакатосу), *кризиса научной рациональности* (по Э. Гуссерлю) и т.п.

Касавин говорит о *самореферентности* исторического события в науке, о возможности говорить о нем как о *causa sui* [Касавин 2020, 10]. Примем это как метафору. Историческое событие открывает собой *конкретный* исторический дискурс, оно беспричинно именно в *этом* дискурсе. Разумеется, это не означает оторванности этого события от движения научной мысли в целом.

Зачем нужна эта метафора? Она позволяет открыть веер перспектив исследования. В нем коммуницируют *когнитивная перспектива*, в которой история науки

выстраивается как рационально реконструированная программа развития идей и методов, по Лакатосу, *социальная перспектива* – история научных институтов, научных сообществ, по Т. Куну, «мыслительных коллективов», по Л. Флеку, *социально-коммуникативная перспектива* – история «коммуникативных сообществ», по Ю. Хабермасу, «зон интеллектуального обмена», по П. Галисону, и проч., *социально-психологическая перспектива* – история конкуренции научных школ, история обменов «неявным знанием», по М. Поляни, и др. Эти различные истории науки не спорят, какая из них дает *действительную* картину исторического развития, а какую следует признать компромиссной или даже неверной.

Но если так, можно ли говорить об исторической эпистемологии как о *философской* теории, охватывающей своим объяснением все эти и другие исследовательские перспективы? Иными словами, достаточен ли принцип историзма для выстраивания эпистемологической рефлексии над развитием науки – без опоры на философские предикации? Лишенная таких опор, не станет ли историческая эпистемология только набором частных методологических рекомендаций? Наконец, сам историзм – является ли он только конституирующим принципом, позволяющим создавать нарративы о началах и концах причинно-следственных цепочек, или же он служит решению вопроса о том, как наука прокладывает себе путь к *объективному и истинному* знанию о *реальности*?

С этими вопросами столкнулся Т. Кун, когда ему пришлось отвечать на упреки философов, заметивших, что его концепция смены научных парадигм (пышно названная «теорией научных революций») ведет к *релятивизму* и отрицанию *объективной* логики развития науки, ее подмене описанием социальных и психологических процессов в научных сообществах [Motycka 1979]. На такие вопросы он отвечал, что не считает себя философом, а историком науки для выполнения своих задач лучше – *als ob* – забыть о философских спорах. Историк науки, заявил он, занят исследованием процесса, который «может совершаться, как мы сейчас представляем биологическую эволюцию, без помощи какой-либо общей цели, постоянно фиксируемой истины, каждая стадия которой в развитии научного знания дает улучшенный образец» [Кун 2001, 222]. Но подобный ответ не приличествует *эпистемологу*, который никак не может отречься от своей принадлежности философскому цеху.

Конечно, он мог бы назвать концепцию, разделяющую историю науки на «нормальные» и «экстраординарные» периоды, которые характеризуются либо господством некоторой фундаментальной теории над другими, либо конкуренцией различных теорий, спорящих за доминирующую роль в научных сообществах, *философской*, которая тем и специфична, что обходится без дискуссий об истине и объективности. Как ни странно, многие *философы* согласились бы с этим. Но, как это всегда бывает, изгнанная в дверь, философия влетает в окошко, потому что она задает вопросы, отказываясь отвечать на которые, историческая наука запутывается в сети собственных понятий и смыслов.

Историческая эпистемология, в которой принцип историзма вступает в сложные отношения с понятийным аппаратом философии познания, может и должна стать лабораторией, предназначенной для реформирования этого аппарата, конструирования новых смыслов, внедряемых в прежние терминологические оболочки.

Такая реформа затронула бы и сам принцип историзма, допускающий различные трактовки, как это и было в то время, когда Э. Трёльч отличал «дурной историзм» (сводящий историю к бессвязному многообразию фактов, тщательно фиксируемых академической «ученостью») от «позитивного историзма», преодолевающего релятивизм за счет отнесения исторического материала к смысловым каркасам, складывающимся из результатов «культурного синтеза», обладающих объективной значимостью [Трёльч 1994, 104]. Эта задача актуальна и сегодня, хотя современное понимание «культурного синтеза» отличается от понимания Э. Трёльча.

Из чего складывается «культурный синтез» и какое до него дело исторической эпистемологии? В нем участвуют основные компоненты культуры: социальная, интеллектуальная, политическая, ценностная и религиозная (значение последних особенно

подчеркивал Трёльч). Акцентирование какой-то из них и должно составить специфику эпистемологической рефлексии. Так, социальная эпистемология вступает в дело, когда решается вопрос, какие социальные факторы побуждают историка выстраивать причинно-следственную связь фактов, логическим основанием для которой выступает историческое событие. Я бы еще подчеркнул, что обе эти эпистемологии – социальная и историческая – исходят из одной и той же задачи культурного синтеза, а потому их лучше называть *культурно-исторической* и *социокультурной* эпистемологиями.

Общей проблемой для этого веера (не перечисляю все его элементы, хотя каждый заслуживал бы внимания) является определение *философского смысла* его концептуальных каркасов. Сохраняет ли «реальность» свой философский смысл, если признать социальную и/или историческую обусловленность суждений о ней? Или же следует признать, что употребление этого термина всегда относительно к модусу исследовательского внимания? То же касается и «объективности» и «истинности». Обострим вопрос: возможно ли признать за этими понятиями только инструментальную или конвенциональную функции?

Некоторые авторы так и обращаются с «объективностью», трактуя ее как «ценность», противовес «субъективности», когда последняя почему-то считается нежелательной или даже «опасной». Всё, полагают они, зависит от характера «практик»: в каких-то практиках (в том числе, научных!) «субъективность» вовсе не является «антиценностью». Более того, в иных практиках «субъективность» как характеристика оснований знания может свидетельствовать об исторической подвижности этих оснований [Дэстон 2007]. Как отмечает Л.В. Шиповалова, подобные установки еще не претендуют на статус эпистемологической программы, более того, могут даже препятствовать формированию определенных тезисов «о значимых в современности научных концептах, о взаимном воздействии современного научного и философского дискурсов, о вкладе исторической эпистемологии в решение современных эпистемологических и мировоззренческих проблем» [Шиповалова 2018, 162].

Тем не менее обсуждение вопроса о ценностях в эпистемологии и философии науки испытывает влияние идей, идущих от современной социологии культуры. Классическое, восходящее к неокантианству понятие «ценности» все чаще вытесняется (как архаизм) конструктами, обнаруживающими зависимость так называемых «ценностных» суждений от частных социальных практик. То, что Э. Кассирер называл «ценностями», теперь считают симулякрами, пригодными разве что для социальных манипуляций (например, для выстраивания «пафосных нарративов», служащих формированию различных духовных и культурных «скреп»); «ценности» нужны для того, чтобы *подгрести* под них многообразие человеческих действий и отношений). Аргументом против так понимаемой аксиологии выставляется возможность фальсификации «ценностей» вопиющими историческими фактами.

На место «универсальных» (в том числе «общечеловеческих») ценностей претендуют оценки, типичные для «культурных сингулярностей» (термин А. Реквица [Reckwitz 2017]), то есть социальных групп, вовлеченных в конкретную социальную практику. Такие оценки служат ролевой идентификации членов этих групп и сплочению их как единомышленников. В социологии и философии культуры это называют реакцией на рост индивидуализации и дестандартизации не только социальных практик (в том числе – потребления и досуга), но и внутренних (личностных) переживаний, связанных с ними [Куренной 2020, 28].

Как сказывается этот процесс на философском статусе исторической эпистемологии? Остаются ли *научные* практики чем-то исключительным по сравнению с иными видами и типами практик в том смысле, что в них по-прежнему господствуют универсальные эпистемические ценности, а «научные сингулярности» (научные школы, направления, исследовательские стратегии и программы), какими бы влияниями ни определялись их оценочные предпочтения, все же вынуждены признавать эти ценности как черты научного идеала? Или им следует стать в ряд прочих культурно-исторических практик и признать, что все эпистемические ценности являются производными от них?

Что такое историческое знание? Применимы ли к нему критерии истинности и объективности? На эти вопросы часто отвечают скептической ухмылкой. Кому не пришлось слышать, что история – это собрание выдумок, отвечающих чьим-то интересам, или что история – девушка по вызову: когда она выполняет то, за чем ее позвали, ее выпроваживают, заплатив за услуги. Такой скепсис недорогого стоит. Чаще всего это – поза или безответственный стёб.

Историческая эпистемология считает историю наукой. Тем более, когда это история науки. И значит, историческое знание способно быть истинным и объективным. Но обладание этими ценностями не безусловно. Оно зависит от пути, на котором оно получено. Оказывается, что здесь вступает в игру время, за которое этот путь пройден.

Такое утверждение кажется подозрительным. Как могут *объективность* и *истинность* знания зависеть от времени, то есть изменяться вместе с его ходом?

Историческая эпистемология понимает источник подозрений. Он – в пренебрежении принципом историзма, который считается чем-то второстепенным по отношению к эпистемическим ценностям.

Между тем, обусловленность этих ценностей – лишь следствие из принятых предпосылок: если историческое событие есть начало причинно-следственной цепи фактов, то цепь должна протянуться достаточно далеко и подвергнуться анализу, чтобы ее можно было оценивать по философским меркам. Пусть такой анализ проведен. Можно ли считать истинными и объективными *знаниями* отдельные звенья этой цепочки?

Это зависит от направления движения мысли – *от* исторического события или к нему из позиции исследователя. И.Т. Касавин называет вторую «временной оптикой историка» – выстраивая ретроспективу из настоящего в прошлое, то есть изучая факты, уводящие к искомым истокам, историк сталкивается с «бесконечным регрессом» оснований. Движение мысли исторического эпистемолога идет в противоположном направлении – от исторического события к настоящему и будущему, он не ищет оснований, а исходит из них. На этом пути, разумеется, можно встретить не только факты, подходящие, чтобы их встроить в логическую последовательность, но и факты, которые никак в нее не «влезают». Именно такие находки и ценны для эпистемолога. «В то время как историк ищет успокоения в знании, эпистемолог жаждет удивления» [Касавин 2020, 14].

Почему так? Хотя бы потому, что тем самым обнаруживается принципиальное несовпадение реальной истории и ее рациональных реконструкций. Лакатос считал, что философия науки должна заботиться о совершенстве последних, оставляя *реальность* на откуп историкам. Не будем здесь спорить о содержании, которое он вкладывал в понятие «философия науки» [Lynch 2020; Porus 2020]. Но что до исторической эпистемологии, она не может успокоиться на логическом препарировании исторической реальности.

Чтобы факт встроился в логическую последовательность, идущую от исторического события, он должен пройти через огонь времени, выжигающий те интерпретации, какие могли бы препятствовать этому. Рациональная реконструкция истории науки (Лакатос) и есть постройка логически выверенного здания из огнеупорного фактического материала на фундаменте основополагающего допущения. Но историческую эпистемологию интересует не столько полученный при этом результат, сколько путь к нему; продолжая метафору, она исследует процесс возникновения и гибели интерпретаций, который служит горючим материалом для подкормки огня. Ее внимание останавливается именно там, откуда убегает реконструктор, чтобы не отвлекаться на капризы «реальной истории», не желающей размещаться в пространстве реконструкции. И это означает, что она готова «переписать историю», если факты вынуждают ее вернуться к исходной точке «исторического события» и переместить или изменить ее.

Уже не раз сравнивали это переписывание истории науки с действиями орвелловского «Министерства правды». Сравнение броское, но поверхностное. Мастерам

идеологических фальсификаций в высшей степени наплевать на такие смешные «ценности», как «истина» и «объективность», они для них – разве что листья фиговой пальмы. И они уверены, что Большой Брат легко укоротит носы, которые суются не в свое дело, пытаясь узнать, что скрывается за этими листьями. Но исторические эпистемологи рады, когда послушные им историки науки переписывают историю именно потому, что выполняют особую миссию, пытаясь «во всем дойти до самой сути». В том-то и смысл этой миссии, что искомая суть не открывается им, как берега нового континента Колумбу, а создается всякий раз заново, когда тому способствуют фактические и теоретические изыскания.

Здесь работает не произвольная фантазия, позволяющая достраивать, домысливать исторические нарративы о развитии научных знаний. Историк науки часто выступает в роли *деконструктора*, выявляя дефекты выстроенных нарративов, позволяющих *сортировать* факты, отбрасывать как ненужные те из них, которые могли бы сыграть важную роль в строительстве иных историко-научных конструкций.

В этом и заключается философская значимость исторической эпистемологии: она вдохновляет историю науки на поиск истины и объективности исторического знания, но предупреждает, что эти ценности существуют только в постоянном процессе возникновения и уничтожения. Они подобны птице Феникс, жизнь которой состоит из сгорания и возрождения из пепла.

«Разве не исторична научная объективность?» [Касавин 2020, 17]. Я отвечаю: да, несомненно, исторична, более того, эта историчность является не умалением объективности или некой снисходительной оговоркой, а существенным условием, *conditio sine qua non* объективности, а значит, и истинности. Кстати, то же самое можно сказать и о *рациональности* знания [Порус 1999, 14].

Еще одна деликатная проблема затрагивается в статье И.Т. Касавина – он называет ее «иллюзорностью исторического субъекта». Дело выглядит так, что эта иллюзорность как будто вытекает из сказанного выше. Если объективность исторична, то это верно и по отношению к знанию о субъекте исторического действия. Получается, что в каждой новой версии истории (будем говорить об истории науки, но иметь в виду и возможные выходы за ее границы) ее «персонажи» получают новые «объективные изображения», и те из них, кто играл вроде бы главные роли, могут превратиться во второстепенных участников исторического события во всей полноте его последствий или даже вовсе выпасть из поля внимания.

Это вызывает сомнение не только потому, что противоречит привычным историческим нарративам. Мне представляется, что тут «перебор», отступление от принципа историзма.

Снова напомним, что «историзм» имеет разные смыслы. Между ними нет абсолютных границ, но какие-то границы все же есть. И своевольный переход через них не всегда безопасен.

«Историк, доверяющий документам и свидетелям, волен приписать своим персонажам мысли, замыслы, ценности и идеалы, может назначить их ответственными за некоторые высказывания и поступки. Однако для исторического эпистемолога, говоря словами Х.Л. Борхеса, “все это только сон”. “Темная сила” истории безжалостна к своим героям и авторам. Она не хранит их подлинную идентичность, более того, категорически отказывает им во всякой аутентичности за пределами истории, делая их игрушками случая и интерпретации» [Касавин 2020, 16].

У каждой переписанной заново истории – собственные герои. Да, так бывает. «При внимательном взгляде на перипетии социальной истории науки мы сталкиваемся с удивительным феноменом “сокрытых открытий”. А. Авогадро, Земмельвайс, Г. Менделеев не оценили при жизни из-за “эффекта Матфея”: их открытия не укладывались в мейнстрим науки того времени. С. Пейн, Л. Мейтнер, Н. Стивенс стали жертвой “эффекта Матильды” [Rossiter 1993], т.е. не получили признания по причине дискриминации женщин-ученых» [Ibid., 17]. А история «советской науки» дает множество примеров, как социальная история поглощала собой факты истории науки,

фальсифицировала их, подвергала унижительным и абсурдным «интерпретациям» [Graham 1993; Соифер В. 1993; Неретина, Огурцов 2010]. Еще более запутанная «историческая реальность» возникает с развитием феномена «теневого науки», когда пространство научной деятельности заполняется ее суррогатами, формами имитации, связанными с нарушениями и искажениями ценностных, моральных и правовых оснований, на которых издавна стоит наука [Бажанов 1991, 153]. В «теневого науки» интерпретации ее результатов могут прямо или косвенно навязываться историкам, которые волей-неволей оказываются пропагандистами мифов и промоутерами жульнических подделок. Переписывание таких историй часто оказывается не результатом научных исследований, а следствием социальных факторов, воздействующих на этот процесс. Тем самым, история науки испытывает влияние «теневого науки» и сама становится ею, когда в ней происходит «деформация норм, которые регулируют *взаимодействие научного сообщества с внешней по отношению к нему социальной средой*: преподнесение ей искаженных представлений о том, “кто есть кто в науке” в виде липовых рейтингов, трансляция поп-версии научного знания и др.» [Юревич 2006, 240].

От допущения, что у всякой истории, являющейся продолжением «схваченного» историками события, собственный смысл, собственный сюжет, собственные персонажи уникальных нарративов, до грубых извращений научности может оказаться слишком короткая дистанция. Здесь мало поможет оговорка, что речь идет о «настоящей» истории науки, отличающейся от ее фальсификатов в духе орвелловской фантазмагии. Хотя бы потому, что провести демаркацию между «настоящей» и «поддельной» наукой бывает непросто, а мастеров наводить тень на ясный день слишком много, чтобы считать эту задачу тривиальной.

Фальсифицированный историзм способен превратить историю науки в релятивистский вернисаж.

Историзм как принцип исторической эпистемологии – полноправный участник строя философских понятий, а не приставка к этому строю, которая включается или исключается из работы по усмотрению исследователя. Это означает, что этот ряд составляется из взаимосвязанных и взаимообусловленных ценностей. Каждая из них, выхваченная из этого ряда, утрачивает свой смысл, рискует стать антиценностью. Объективность и истинность историчны в той же мере, в какой историзм есть необходимое условие объективности и истинности.

Я согласен с тем, что живая личность исторического субъекта может оставаться вне поля внимания историка, сосредоточенного на связи исторического события с причинно-следственной связью последующих фактов. Всегда ли это так, вопрос особый и конкретный. История науки знает немало примеров, когда «возникновение и развитие научного факта» (использую это выражение, ставшее названием известной книги Л. Флека) было прямо связано именно с личностью, характерными чертами того или иного ученого, с уникальными обстоятельствами его жизни.

Но верно и то, что принцип историзма, ввиду его многогранности и многоплановости, может разворачиваться своими разными сторонами к конкретному историческому исследованию. Историческая эпистемология должна иметь в виду эти развороты. Иногда это внимание действительно может оказаться настолько пристальным, что собственно эпистемологическое рассмотрение истории науки может пришвартоваться к берегам, где оно станет неотличимым от психологического, социологического или даже экзистенциального. И тогда принцип историзма встанет рядом с понятиями, существенными для этих рассуждений, пронизывая их собой и в то же время вбирая в себя их смыслы.

* * *

Тема, затронутая в статье И.Т. Касавина, заслуживает более широкого и развернутого рассмотрения, чем это сделано здесь. Я надеюсь, что она привлечет внимание не только философов. Реформа в философии познания давно назрела, и каждый шаг в сторону этой реформы важен. Это связано с риском, но такой риск оправдан.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

- Кун 2001 – Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001 (Kuhn, Thomas, *The Structure of Scientific Revolutions*, Russian Translation).
- Трелья 1994 – Трелья, Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994 (Troeltsch, Ernst, *Der Historismus und seine Probleme*, Russian Translation).
- Carnap, Rudolf (1950) “Empiricism, Semantics and Ontology”, *Analysis*, Vol. 4, p. 20–40.

Ссылки – References in Russian

- Бажанов 1991 – Бажанов В.А. Наука как самопознающая система. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1991.
- Брянник 2010 – Брянник Н.В. Историческая эпистемология и культурно-исторический подход в гносеологии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIV. № 2. С. 112–129.
- Дэстон 2007 – Дэстон Л. Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе. СПб.: Алетейя, 2007. С. 37–71.
- Жеребкин 2013 – Жеребкин С. Нестабильные онтологии в современной философии. СПб.: Алетейя, 2013.
- Касавин 2020 – Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 6–19.
- Куренной 2020 – Куренной В.А. Философия либерального образования: контексты // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 8–36.
- Мегилл 2007 – Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон +, 2007.
- Неретина, Огурцов 2010 – Неретина С.С., Огурцов А.П. Подвластная наука? Наука и советская власть. М.: Голос, 2010.
- Орлов 2012 – Орлов Д.У. Событие и телеология истории // Мысль. Журнал Санкт-Петербургского философского общества. 2012. № 12. С. 19–26.
- Порус 1999 – Порус В.Н. Парадоксальная рациональность (Очерки о научной рациональности). М.: Изд-во УРАО, 1999.
- Сойфер 1993 – Сойфер В. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. М.: Радуга, 1993.
- Степин 2000 – Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Столярова 2018 – Столярова О.Е. Подразумевает ли историческая эпистемология историческую онтологию? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. № 3. С. 369–380.
- Шалагинов 2015 – Шалагинов Д.С. Преодоление единства и онтологическая нестабильность // Философские науки. 2015. № 5. С. 67–79.
- Шиповалова 2018 – Шиповалова Л.В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направлений исследований // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 153–167.
- Юревич 2006 – Юревич А.В. Теневая наука.ru // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 3. С. 234–241.

References

- Bazhanov, Valentin A. (1991) *Science as a self-knowing system*, Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, Kazan (in Russian).
- Bryanik, Natalia V. (2010) “Historical epistemology and cultural-historical approach in epistemology”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 24, No. 2, pp. 112–129 (in Russian).
- Daston, Lorraine J., Galison, Peter (2007) *Objectivity*, Zone Books, New York (Russian Translation 2007).
- Davidson, Arnold I. (2001) *The Emergence of Sexuality: Historical Epistemology and the Formation of Concepts*, Harvard University Press, Harvard.
- Graham, Loren R. (1993) *Science in Russia and The Soviet Union: a short History*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Hacking, Ian (2002) *Historical Ontology*, Harvard University Press, Cambridge, Mass.
- Kasavin, Ilya T. (2020) “Knowledge and reality in historical epistemology”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 57, No. 2, pp. 6–19 (in Russian).
- Knorr-Cetina, Karin (1999) *Epistemic Cultures: How sciences make knowledge*, Harvard University Press, Harvard.

- Kurennoi, Vitalii. A. (2020) "The Philosophy of Liberal education: contexts", *Voprosy obrazovania*, Vol. 2, pp. 8–36 (in Russian).
- Megill, Allan (2007) *Historical epistemology*, "Kanon+", ROOY "Reabylytatsyya", Moscow (in Russian).
- Lynch, William T. (2018) "Imre Lakatos and the inexhaustible atom: the hidden marxist roots of history and philosophy of science", *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 55, No. 3, pp. 25–34.
- Motycka, Alina (1979) *Relatywistyczna wizja nauki T. Kuhna i S. Toulmina*, Ossolineum, Wroclaw.
- Orlov, Daniel U. (2012) "Event and teleology of history", *Mysl. Zhurnal Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*, Vol. 12, pp. 19–26 (in Russian).
- Neretina, Svetlana S., Ogurtsov, Aleksandr P. (2010) *Subservient science? Science and the Soviet government*, Golos, Moscow (in Russian).
- Porus, Vladimir N. (1999) *Paradoxical Rationality (Essays on Scientific Rationality)*, Izdatelstvo URAO, Moscow (in Russian).
- Porus, Vladimir N. (2018) 'What do the Marxist "Dialectics of Cognition" and Lakatos's "Sophisticated Falsificationism" have in common?', *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 55, No. 3, pp. 35–40.
- Reckwitz, Andreas (2017) *Die Gesellschaft der Singularitäten. Zum Strukturwandel der Moderne*, Suhrkamp, Berlin.
- Rheinberger, Hans-Jörg (2012) "A Plea for a Historical Epistemology of Research", *Journal for General Philosophy of Science*, Vol. 43, pp. 105–111.
- Rossiter, Margaret W. (1993) "The Matthew/Matilda Effect in Science", *Social Studies of Science*, Vol. 23, pp. 325–341.
- Sojfer, Valerii N. (1993) *Power and science. The defeat of the Communists in the Soviet Union genetics*, Raduga, Moscow (in Russian).
- Stepin, Viacheslav. S. (2018) *Theoretical knowledge. Structure, historical evolution*, Progress-Traditsiia, Moscow (in Russian).
- Shalaginov, Denis S. (2015) "Overcoming unity and ontological instability", *Filosofskie nauki*, Vol. 5, pp. 67–79 (in Russian).
- Shipovalova, Lada V. (2018) "Modern historical epistemology. Analytical review of research areas", *Tsifrovoy ucheniy: laboratoriia filosofa*, Vol. 1, No. 4, pp. 153–167 (in Russian).
- Stolyarova, Olga E. (2018) "Does the historical epistemology of historical ontology?", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Filosofia i konfliktologiya*, Vol. 34, No. 3, pp. 369–380 (in Russian).
- Yurevich, Andrei V. (2006) "Shadow nauka.ru", *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*, Vol. 76, No. 3, pp. 234–241 (in Russian).
- Zherebkin, Sergei V. (2013) *Unstable ontology in contemporary philosophy*, Aletejya, Saint-Petersburg (in Russian).

Сведения об авторе

ПОРУС Владимир Натанович – доктор философских наук, ординарный профессор, научный руководитель школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author's Information

PORUS Vladimir N. – Dsc in Philosophy, Ordinary Professor, Scientific Director of the School of Philosophy and Culturology of the National Research University "Higher School of Economics".